

Этнонимия как зеркало этнической карты региона

Сироткина Татьяна Александровна *

доцент русского языка кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, Сургутск, Россия.

(дата получения: май 2017 г.; дата принятия: июль 2017 г.)

Аннотация

Базовым положением предлагаемого исследования является то, что каждый человек осознает сам себя как часть определенного этноса, а также идентифицирует других людей по признаку этничности. Немаловажную роль в этом процессе играет категория этничности, под которой автор статьи понимает такую языковую универсалию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. В статье на материале этнонимии Пермского края рассматривается функционирование этнонимов в разных типах дискурса. Анализируется этнонимикон делового, научного, диалектного, художественного текста, рассматриваются этноантропонимы и этнотопонимы, являющиеся зеркалом этноисторических процессов, происходивших на территории региона. В заключение делается вывод о том, что рассмотрение функционирования этнонимов в разных типах дискурса отражает этнический фрагмент региональной картины мира, позволяет делать выводы о межэтнических контактах этносов исследуемой местности, репрезентирует этнические стереотипы и ассоциации, связанные с представителями разных культур.

Ключевые слова: Этнонимы, Дискурс, Региональная Картина Мира, Этнические Стереотипы.

* E-mail: sirotkina71@mail.ru

Ethnonymy as a mirror of the ethnic map of the region

Sirotkina Tatyana Alexandrovna*

Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism of
the Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia.

(date of receiving: May, 2017; date of acceptance: July, 2017)

Abstract

The basic premise of the proposed study is that each person is aware of himself as part of a certain ethnos, and also identifies other people on the basis of ethnicity. An important role in this process is played by the category of ethnicity, under which the author of the article understands such a language as universal by means of which a person determines the belonging of himself and others to one or another ethnic group. In the article on the ethnonym of Perm Krai, the functioning of ethnonyms in different types of discourse is considered. The ethnonimicon of the business, scientific, dialectal, and artistic text is analyzed, ethnoanthroponyms and ethnotoponyms are considered which mirror the ethnohistorical processes that took place on the territory of the region. In conclusion, the conclusion is that the consideration of the functioning of ethnonyms in different types of discourse reflects the ethnic fragment of the regional picture of the world, allows one to draw conclusions about interethnic contacts of ethnos of the investigated area, represents ethnic stereotypes and associations associated with representatives of different cultures.

Keywords: Ethnonyms, Discourse, Regional Picture Of The World, Ethnic Stereotypes.

* E-mail: sirotkina71@mail.ru

Введение

В настоящее время бурное развитие получила такая область социогуманитарных наук, как этногерменевтика, изучающая особенности национальной картины мира, а также процессы этнической идентификации. Человек осознает сам себя как часть определенного этноса, идентифицирует других людей по признаку этничности. Немаловажную роль в этом процессе играет категория этничности, под которой мы понимаем такую языковую универсалию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу.

Основным средством вербализации названной категории являются названия народов (этнонимы). Обычно определение людьми на уровне сознания своей принадлежности к тому или иному народу выражается в выборе ими такого внешнего признака, как наименование. Само наличие такого наименования – этнонима – свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне.

Особенно актуальным представляется рассмотрение функционирования этнонимов в рамках отдельного региона. Это помогает, с одной стороны, расширить лингвистические знания о региональном этнонимиконе, с другой – выстроить структуру категории этничности: выявить, какие единицы ее образуют, как они меняются с течением времени.

Основная часть

Региональная этнонимия

Анализ функционирования этнонимов в деловом дискурсе осуществлялся на материалах пермских деловых памятников XVI – начала XVIII вв., а также документов переписей населения и списков населенных пунктов XIX-XX вв. В частности, были использованы: «Пермская летопись» В. Н. Шишонко; сборник «Кунгурские акты XVII века» А.А. Титова; «Словарь пермских памятников

XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой; Писцовая книга Михаила Кайсарова 1623-1624 гг. по вотчинам Строгановых, опубликованная в сборнике «Пермская старина»; документы, включенные в книгу В. Берха «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей»; издание «Многонациональная Пермь».

Зафиксированные в письменных памятниках имена народов – один из самых сильных аргументов в пользу «вневременного» характера этничности, ее «неустраиваемости из картины мира» любых исторических эпох.

Одной из важных особенностей функционирования этнонимов в деловом дискурсе являются широкие словообразовательные ряды. Примеры подобных рядов:

1) *башкирец – башкирятин – башкирянин – башкирятенин – башкиретинин*: «Купил де тот табак в кунгурском уезде на дороге у уфинского тулвинского *башкирца* у Канабечка на 10 денег» (КА: 178); «Извещал на Уфе в приказной избе ему князю Андрею *башкирятин* Сибирские дороги Белекейко Тойголдин» (СПП 1: 22); «А от тех юрт до речки Кораболки живет *башкирянин* Ямогуза с детьми и братьями и племянниками в 8 юртах» (Ш 5(2): 47); «А из того де воровского собрания послано сорок башкирятенином на Ай реку» (Ш 5(1): 17); «Июня в 25 день, пойманной башкиретинин Урасан Карабышев в Катайском остроге допрашиван» (Ш 5 (3): 460);

2) *вогуляк – вогулетин – вагулетин – вогулятин*: «Дойдено до реки... и до юрт *вогуляка*» (Ш 3: 757); «В одном месте юртами не живут, а живут переходя по малым речкам где кому добыча зверю всякому и рыбе тот тут *вогулетин* живет и ночует»; «Пришли с Вищеры ясашные целовальники Ивашко Антонов с товарищем да с ними два *вагулетина*» (СПП 1: 93); «Да... *вогулятин* Обайтко Комаев» (Ш 1: 158);

3) *татары – татары – татарова – татарове – тотарове – татарины*: «Вниз на 10 верст... по между уфимских *татар*» (Ш 2: 251); «Да ему ж де Афонке сказывали татары Турайко Байгозин да Байтемирко Батряков» (КА: 24); «А как тебе дорогу татарова укажут и ты б о том отписал» (Ш 2: 156); «А

будет татарин Епанча, или которые иные татарове учнут говорить» (Ш 2: 145); «Князьки, и мурзы, и тотарове, и остяки, и вогуличи учнут к вам приходить бити челом» (Ш 2: 151); «За сим имена 23-х человек конных казаков, драгун и *татарин*, раненых из пищалей и стрелами» (Ш 5(3): 463);

4) *черемисы – черемисяне*: «И Остяки и *Черемисы*» (Ш 4: 360); «Наехали воровские воинские люди башкирцы, и все деревни черемисские разорили и Черемисян побили до смерти» (Ш 5(3): 456).

Наиболее употребительными в образовании формы единственного числа этнонимов мужского рода, как мы видим, являлись форманты -ец, -як, -ятин, -етин, реже использовались форманты -етинин, -ятенин. В образовании форм множественного числа ведущую роль играли форманты -цы, -сы, -яне, реже употреблялись форманты -ове, -овя, -ины.

Стремление писцов отражать в текстах сложившиеся к концу XVI – началу XVIII вв. нормы делового языка приводило к обработке показаний жителей Пермского края, что вызывало постоянные уточнения сказанного различными способами (Полякова 2005. 211).

Для такого уточнения использовались не только антропнимы и личные местоимения, но и этнонимы: «Собравшись ходили в тое деревню Истекаеву чая *их башкирок* поймать и пожитки обравши принесть на Кунгур» (СПП 1: 22); «Из улусов де своих они калмыки жен своих и детей отпустили за реку Яик в дальние места» (СПП 2: 146); «И он Иван толко у них тотар был у семерых человек» (Ш 5(3): 416).

Обращение с прошением к вышестоящим чиновникам требовало употребления уничижительной формы. В документах множество раз повторяется слово «сирота» («сироты»), наряду с этим используется уничижительная форма этнонима: «Бьют челом бедные сироты Ваши, Чердынского уезда Вишерские и верх Печерские ясашные *Вогуличики*, сотник Ивашко Туйков, десятник Самсик Леньков, терешка Рычков и во всех вишерских и верх Печерских Вогулич место» (Грамота, данная вогулам, XVI в.) □ Берх821: 137).

Еще одна важная особенность функционирования этнонимов в текстах деловых документов – наличие собирательной формы: «Велено переписать и разобрать тех городов пехотного строю всяких чинов людей русских и татар и *мордву*» (СПП 3: 67); «Дожидались Березовских служилых людей с Казымскою *самоядью*» (Ш 3: 719); «И из тех подгородных деревень *Чювашу* и малочисленных людей на Уфу не пропускают» (Ш 5(3): 444).

Этнонимы, функционирующие в научном дискурсе, относятся к терминологической лексике. Под этнотермином мы понимаем слово или составное наименование (например, *русские люди*) научной сферы использования, являющееся обозначением этноса и вступающее в системные отношения с другими подобными словами и словосочетаниями, функционирующими в научных текстах на правах терминов. В отличие от специальных терминов науки и техники, объем знания которых доступен только человеку, обладающему соответствующими научными и техническими знаниями, названная терминология в большинстве своем понятна многим носителям языка.

Изучать некоторую систему терминов продуктивно, по наблюдениям лингвистов, представив ее в виде терминологического поля. Очевидно, что исследуемую нами лексику, функционирующую в научном дискурсе, можно представить в виде терминологического поля «этничность». Единицы данного поля характеризуются концептуальной общностью, а также отличаются следующими особенностями: 1) системностью; 2) наличием дефиниции; 3) тенденцией к моносемантности; 4) отсутствием экспрессии в рамках научного дискурса; 5) стилистической нейтральностью.

Терминологическое поле «этничность» представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общим семантическим компонентом – «этнический».

Внутри рассматриваемого терминопля все единицы связаны иерархическими отношениями – выделяются субполя и микрополя, объединенные семантически. Примеры субполей: *финно-угры*, *тюрки* и т.д.:

«Русские сталкивались как с давно живущими на уральских землях *финно-уграми* – коми-пермяками, манси и *тюрками* – башкирами и татарами, так и другими народами, переселившимися одновременно с ними из Волго-Камья – удмуртами, марийцами, казанскими татарами» (Чагин 2002: 81). На следующей ступени иерархии возникают микрополя первого уровня: в субполе *славяне* – микрополя *русские, украинцы, белорусы* и т.д. Далее в пределах микрополей первого уровня выделяются микрополя второго уровня, например, в микрополе *русские* – *старобрядцы, юрлинцы* и т.д. Основу исследуемого терминополья составляют языковые единицы, образующие микрополя первого уровня.

Так, субполе *тюрки* образуют следующие микрополя первого уровня:

1) *Азербайджанцы*: «Значительные диаспоры составляли в Прикамье и другие народы: украинцы (45711; 1,5%), мордва (4450; 0,1%), азербайджанцы (3862; 0,1%)...» (Этнический мир 2003: 25).

2) *Башкиры*. В научных текстах XIX в. функционируют этнонаименования *башкирцы, башкиры*: «Оз. Увелды именуют Башкирцы Уелдекул» (Попов 1803: 91); «Древняя Пермия... граничила... к югу с башкирами и вотяками» (Ш 1: 5). В описаниях ученых XX в. закрепляется этнотермин *башкиры*: «На уровне этнической самоидентификации татары и башкиры осознавали свою принадлежность к своим этносам» (Чагин 1999: 116).

3) *Киргизы*: «Открытые набеги Киргизов и Башкирцев на тогдашняя Тюменскую и Исетскую провинции» (Ш 4: 288); «Значительные диаспоры составили в Прикамье и другие народы: ... таджики (863; 0,02%), киргизы (858; 0,02%), чеченцы (764; 0,02%)» (Этнический мир 2003: 25).

4) *Ногаи (нагаи, нагайские татары)*: «А какой-то хан Алказар покорил не только башкир и самих ногаев, но даже и многие народы великой татарии» (Ш, 1: 97); «Дружину из русских, татар, литвы, немцев, выкупленных ими из неволи у нагаев» (Ш 1: 75); «В 1609 году ногайцы вновь сделали нападение и разорили селение башкир» (Ш 1: 184); С 30-го января на велико-пермския владения делали нападения ногайские татары» (Ш 1: 38).

5) *Татары*. В научном дискурсе XIX в. функционировали термины *татары*, *тата́ра*, *тата́ре*: «Бисертской завод построен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясаших Татар и Черемис в 1741 году земле»; «Тогда приводится на продажу из разных селений немалое число лошадей; для закупки коих приезжают сюда Уфимского, Красноуфимского, Осинского и Кунгурского уездов Башкирцы и Татара» (Попов 1803. 327, 285); «В 1558 году, мы видим, что татаре из Сибири приехали» (Ш 2: 61). В научном дискурсе XX в. используется в основном термин *татары*: «Нерусское население края в 1926 г. составляло 74010 человек (12,6%). Число татар выросло до 21130 (5,3%)...» (Черных 2002. 73).

Накопление категориальных знаний ведет к тому, что расширяется терминологический аппарат, требуются новые термины для определения сложных историко-культурных реалий. Так, в научных текстах отэтнонимные прилагательные являются маркерами, определяющими принадлежность определенного явления к какой-либо культуре. Когда требуется описать сложное в этническом отношении явление, специалисты обращаются к сложным формам отэтнонимных прилагательных (*поволжско-тюркский*, *финно-угорско-пермский* и др.).

Анализ этнонимии диалектного дискурса осуществлялся на материале картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета, отражающей многолетнюю экспедиционную работу в д. Акчим Красновишерского района, а также существующих региональных словарей: «Словаря пермских говоров», «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья», «Фразеологического словаря пермских говоров».

Как известно, образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится. В рамках рассматриваемой нами категории таким концептом выступает концепт «Этнос», являющийся одним из основных в концептосфере «Человек». Средством репрезентации концепта «Этнос» являются различные этнонимы.

На определенной территории исторически складывается система этнонимов, отражающая представления об этничности данного территориально-языкового коллектива.

Концепт, по наблюдениям лингвистов, состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов – областей концепта. В силу разного рода коммуникативных задач вербализации может подвергаться только одна из областей концепта. Области активизируются и находят проявление через языковые знаки.

Поскольку под этничностью понимают присущие данному сообществу язык, особенности духовной культуры и т.д., то, очевидно, базовый для данной категории концепт «Этнос» образуют такие концептуальные области, как «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторые другие.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах. В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой» (Акчим). Именно особенности языка чаще всего отмечаются в различных приговорках и песенках: «Тру-га-га, тру-га-га, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» (Акчим).

Немногочисленный этнос *коми-язьвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру благодаря бережному отношению к родному языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, представители коми-язьвинцев без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нимал, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» (Чагин 2002: 113).

Неумение правильно говорить получает у носителей говоров отрицательную оценку: «Все да не все правильно говорим. *Челдоны*-то *челдоны* и есь» (Акчим).

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так ево не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы (Акчим).

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре» (Акчим).

4. Манера одеваться: «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?» (Акчим).

5. Особенности вероисповедания. Оpozнание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нациё». Слово *кержсаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой». Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» (Садохин 2003. 216): «Личность такая мариец. Глаза узкие» (Акчим).

Интересен для исследования процесс ксенономинии, т.е. номинии через чужое (термин Е.Л. Березович). В диалектной речи отмечены следующие группы ксенонимов:

а) названия одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» (СПГ 2: 434);

б) названиями растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одежу жёлтили, така дублёна одежа делалась» (СПГ 2: 434); «Эта трава от тоски

помогает. Вот ведь если не *татарские мыльца*, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили *татарские мыльца*, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» (Прокошева 2002: 226); «Ето китайская роза. Герань была. Большущая такая. Бурдовые и розовые букеты вот таки больши» (Акчим);

в) названиями игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют, о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся» (СПГ 1: 339);

г) названиями географических объектов (топонимами): «*Вогульские чурки* – чурок или скала. Камень называют ишшо»; «*Вогульское* – это берег называтца, площадь такая, берег»; «Пониже острова Ябусскова есь *Вогульская* – называем так луг, берег»; «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – *Мордовская делянка*»; «*Мордовская делянка* – там мордва населяли, потом снова ушли» (Акчим);

д) названиями птиц: «У нас новая птица появилась – *татарская ворона*. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» (Прокошева 2002. 58).

Показательны в плане ксенономинии фразеологизмы с этническим компонентом. Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» (Прокошева 2002. 372).

Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности. В художественной картине мира могут отражаться особенности национальной картины мира. В этом смысле автор художественного произведения выступает как носитель определенных

национально-культурных стереотипов. Для анализа функционирования этнонимов в художественном дискурсе нами использованы повесть Николая Никонова «Ермак», романы Михаила Строганова «Камни господни», Евдокии Туровой «Слезы лиственницы», Алексея Иванова «Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта», «Message: Чусовая», «Географ глобус пропил», повествующие об исторических событиях, происходящих в Пермском крае в XV – XVIII вв.

Являясь носителями определенной этнической культуры, авторы произведений реализуют в своих текстах оппозицию «свой – чужой», присутствующую в языковой картине мира народа. Представитель «чужого» этноса в рассматриваемых текстах часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем*: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца» (Строганов 2006: 278). Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности – выполняет лексема «иноплеменные»: « – Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!» (Строганов 2006: 262). Однако чаще всего категория этничности является эксплицитной, получая выражение в конкретных этнических именах, актуальных для описываемого региона.

Важная роль этнонимов в художественном тексте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности. Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых парадигм этнонимов, например, *вогулы* – *вогуличи* – *вогульцы*: «В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут» (Иванов 2003: 91); «Брешет, вогуличи налетели» (Иванов 2003: 62); «Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали» (Иванов 2005: 45).

С другой стороны, мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют сами русские, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, вогулы – *русами*, а татары – *урус*: «Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в Янидор,

куда пригласили и молодого князя русских» (Иванов 2003: 72); «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях» (Иванов 2003: 72); «Русыновгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка» (Иванов 2003: 13). «Уруса Ермака брать живым, только живым» (Строганов 2006: 19).

Средством объективации в текстах исторической прозы служат не только сами этнические имена (*вогулы, русские, татары, остяки* и т.д.), но и названия деревень, фамилии героев, прозвища.

Наиболее актуальными для рассматриваемых произведений являются следующие виды этнотопонимов и этноантропонимов:

1. Оронимы (*камень Пермяков, Вогулинская гора, Чувашский мыс, Чувашева гора, Югорский камень*): «Деревня Пермякова расселась на левом берегу напротив камня Пермякова» (Иванов 2005: 552); «А вот скала Вогулинская Гора так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» (Иванов 2005: 551); «В октябре 1582 года под Чувашским мысом разразилась решающая битва» (Иванов 2007: 194); «На подступах к Искеру, под Чувашевой горой, в узкой лощине по берегу... устроили засеку из больших деревьев» (Никонов 1973: 21); «В 1974 году новая грамота разрешила купцам строить городки за Уралом (Югорским камнем)» (Никонов 1973: 13).

2. Ойконимы (*деревни Пермякова, Полякова*): «Жаль, умер разбойник Пермяков, от чьего корня пошла деревня (д. Пермякова)» [Иванов 2005а: 552]; «Напротив камня на правом берегу стояла ныне исчезнувшая деревня Полякова [Иванов 2007: 56].

3. Антропонимы. Пермская фамилия Зырянкин, прозвища Татарин, Зырянха, Еран (так в Прикамье называли бродячих остяков) – все эти этнонимные образования очерчивают этнокультурное пространство текста, наполняя его художественными ассоциациями автора: «С детства его звали Татаринцом за маленький рост и скуластое, смуглое лицо» (Иванов 2003: 38); «Прохора Зырянкина в Кашке любили не шибко; полдеревни у него в должниках ходило» (Иванов 2005: 270); «Народ будто ошалел, когда увидел, что

Зырянху притащили за волосы уже мертвую – лопнуло бабье сердце» (Иванов 2005: 270); «Никто сюда не ходит, кроме охотника Ерана» (Иванов 2005а: 657).

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой «Слезы лиственницы», отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков» (Турова 2007: 167).

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне» (Турова 2007: 203).

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выпросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё» (Турова 2007: 206).

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!» (Турова 2007: 211); «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» (Турова 2007: 225).

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими» (Турова 2007: 211).

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда» (Турова 2007: 217).

Заключение

Таким образом, рассмотрение функционирования этнонимов в разных типах дискурса отражает этнический фрагмент региональной картины мира, позволяет делать выводы о межэтнических контактах этносов исследуемой местности, репрезентирует этнические стереотипы и ассоциации, связанные с представителями разных культур.

Перспектив продолжения данной работы достаточно много: это и дальнейшее изучение этнонимической лексики, функционирующей в разных типах дискурса, и лексикографическая интерпретация собранного материала (как регионального, так и общероссийского), и детальное описание этнических стереотипов русской лингвокультуры, и моделирование основных этноконцептов в свете современной когнитивистики, и обращение (в русле антропоцентрической парадигмы лингвистики) к другим ипостасям образа человека в языковой картине мира.

Список сокращений

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2-х вып. Пермь, 2000 – 2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв.: В 6-ти вып. Пермь, 1993 – 2001.

Ш – Шишонко, В.Н. Пермская летопись / В.Н. Шишонко. Пермь, 1881 – 1884. – Периоды 1 – 5.

Литература

- 1- Берх В. (1821) *Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей*. СПб. 236 с.
- 2- Иванов А. (2003) *Чердынь – княгиня гор*. Пермь, Изд-во «Пермское книжное изд-во». 348 с.
- 3- Иванов А. (2005) *Золото бунта*. СПб, Изд-во «Азбука-классика». 542 с.
- 4- Никонов Н. (1973) *Ермак // Уральский следопыт*. № 4. Сс. 15 – 25.
- 5- Полякова Е.Н. (2005) *Особенности отражения разговорно-бытовой речи в пермских деловых памятниках конца XVI – начала XVIII века // Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, Изд-во Пермского университета. С. 209 – 213.
- 6- Попов Н.С. (1803) *Хозяйственное описание Пермской губернии*. Пермь. 358 с.

- 7- Прокошева К.Н. (2002) *Фразеологический словарь пермских говоров*, Пермь, Изд-во «ПГПУ». 412 с.
- 8- Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. (2003) *Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений*. М., Изд-во «Академия». 320 с.
- 9- Строганов М. (2006) *Камни господни*. СПб., Изд-во «Крылов». 352 с.
- 10- Турова Е. (2007) *Кержаки. Проза*. Пермь, Изд-во «Маматов». 320 с.
- 11- Чагин Г.Н. (1999) *История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века*. Пермь, Изд-во «Пермского университета». 164 с.
- 12- Чагин Г.Н. (2002) *Этносы и культуры на стыке Европы и Азии*. Пермь, Изд-во «Пермского государственного университета». 384 с.
- 13- Черных А.В. (2002) *Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века*. Пермь, Изд-во «Пермского государственного университета». 260 с.
- 14- *Этнический мир Прикамья: библиографический указатель* (2003). Пермь, Изд-во «Реал». 430 с.

Bibliography

- 1- Berh V. (1821) *Puteshestvie v goroda Cherdyn' i Solikamsk dlja izyskanija istoricheskikh drevnostej*. SPb. 236 s.
- 2- Ivanov A. (2003) *Cherdyn' – knjaginja gor.* Perm', Izd-vo «Permskoe knizhnoe izd-vo». 348 s.
- 3- Ivanov A. (2005) *Zoloto bunta*. SPb, Izd-vo «Azbuka-klassika». 542 s.
- 4- Nikonov N. (1973) *Ermak // Ural'skij sledopyt*. № 4. Ss. 15 – 25.
- 5- Poljakova E.N. (2005) *Osobennosti otrazhenija razgovorno-bytovoj rechi v permskih delovyh pamjatnikah konca HVI – nachala HVIII veka // Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste*. Perm', Izd-vo Permskogo universiteta. S. 209 – 213.
- 6- Popov N.S. (1803) *Hozjajstvennoe opisanie Permskoj gubernii*. Perm'. 358 s.
- 7- Prokosheva K.N. (2002) *Frazeologicheskij slovar' permskih govorov*, Perm', Izd-vo «PGPU». 412 с.
- 8- Sadohin A.P., Grushevickaja T.G. (2003) *Jetnologija: Uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij*. M., Izd-vo «Akademija». 320 s.
- 9- Stroganov M. (2006) *Kamni gospodni*. SPb., Izd-vo «Krylov». 352 s.
- 10- Turova E. (2007) *Kerzhaki. Proza*. Perm', Izd-vo «Mamatov». 320 s.

- 11- Chagin G.N. (1999) *Istorija v pamjati russkih krest'jan Srednego Urala v seredine HHH – nachale HH veka*. Perm', Izd-vo «Permskogo universiteta». 164 s.
- 12- Chagin G.N. (2002) *Jetnosy i kul'tury na styke Evropy i Azii*. Perm', Izd-vo «Permskogo gosudarstvennogo universiteta». 384 s.
- 13- Chernyh A.V. (2002) *Tradicionnyj kalendar' narodov Prikam'ja v konce HHH – nachale HH veka*. Perm', Izd-vo «Permskogo gosudarstvennogo universiteta». 260 s.
- 14- *Jetnicheskij mir Prikam'ja: bibliograficheskij ukazatel'* (2003). Perm', Izd-vo «Real». 430 s.

قومیت‌شناسی به‌عنوان تصویری از مردم‌شناسی منطقه

تاتیانا آکساندرونا سیروتکینا*

دانشیار زبان و ادبیات روسی و روزنامه‌نگاری دانشگاه دولتی علوم تربیتی سورگوت،

سورگوت، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۷)

پژوهش حاضر بر این فرض استوار است که هر انسانی خود را جزئی از یک ملیت مشخصی می‌پندارد و دیگران را بر اساس ویژگی‌های ملیتی و قومی از هم متمایز می‌کند. مقوله قومیت‌گرایی نقش بسزایی در فرآیند مورد اشاره دارد. به اعتقاد نویسنده این مقاله در واقع قومیت‌گرایی شامل پدیده فراگیر زبان‌محوری می‌شود که به واسطه آن، هر فردی تعلق خود و دیگران را به یک ملیت یا قومیتی تعیین می‌کند. مقاله حاضر، بر مبنای واقعیات قومیت‌شناسی منطقه «پرم» به بررسی و مطالعه کاربرد نام‌های قومی در حوزه‌های مختلف زبانی می‌پردازد و نام‌های قومی - محلی مختلف در متون تجاری، گویش محلی و ادبی را که در واقع آینه فرآیندهای تاریخی-قومیتی جاری در منطقه هستند، بررسی می‌کند. نتایج پژوهش حاضر نشان می‌دهد مطالعه کاربرد نام‌های قومی در حوزه‌های مختلف زبانی بخش قومیتی علاوه بر آنکه تصویری روشن از یک منطقه از جهان را به دست می‌دهد، درباره روابط بین قومی مردمان منطقه مورد بررسی نیز ما را به نتایج مفیدی می‌رساند؛ همچنین کلیشه‌های قومی و باورهای ملیتی مرسوم در بین نمایندگان فرهنگ‌های مختلف را بازنمایی می‌کند.

واژگان کلیدی: واژگان قومی-محلی، حوزه‌های زبانی، تصویر منطقه‌ای از جهان، کلیشه‌های قومی و ملیتی.